

Чернова Мария Станиславовна

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

(г. Могилев, Беларусь)

chernova@msu.by

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ БУЛГАКОВ О НИКОЛАЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ГОГОЛЕ

В статье рассматриваются суждения о Н.В. Гоголе представителя философско-религиозной критики эпохи религиозно-культурного ренессанса начала XX в. С.Н. Булгакова. Оценки творчества писателя анализируются в контексте философско-эстетической концепции С.Н. Булгакова. Доказывается, что С.Н. Булгаков оценивал творчество Н.В. Гоголя с точки зрения своего представления о сущности искусства.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, С.Н. Булгаков, религиозно-культурный ренессанс XX в., история русской литературы, история русской литературной критики, духовный путь Н.В. Гоголя

The paper describes judgments about N. V. Gogol, the representative of philosophical and religious criticism of the era of religious and cultural renaissance of the early XX century by S.N. Bulgakov. Evaluations of the writer's work are analyzed in the context of the philosophical and aesthetic concept of S.N. Bulgakov. It is proved that S.N. Bulgakov evaluated the work of N.V. Gogol in terms of his understanding of the essence of art.

Keywords: N.V. Gogol, S.N. Bulgakov, religious and cultural renaissance of the 20th century, the history of Russian literature, the history of Russian literary criticism, the spiritual path of N.V. Gogol

В истории русской литературы Н.В. Гоголю отведено особое место основоположника «натуральной школы» и социального течения в русском реализме второй половины XIX в. В.Г. Белинский его именем даже назвал целый период

в истории русской литературы – «гоголевский», подчеркивая общественную значимость творчества писателя. «...Мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени», – писал первый критик России [1, т. 5, с. 62]. Эти оценки на долгие годы заточили гоголевское творчество в прокрустово ложе социальности и заставили главной особенностью таланта автора «Мертвых душ» считать способность к обличению общественных пороков. «Пришли Белинские и сказали, что Грибоедов и Гоголь “осмеяли”. <...> До того обо...ли это слово, что после них художники вплоть до меня способны обманываться, думая о “бичевании нравов”», – с негодованием писал А. Блок [2, т. 7, с. 182]. Действительно, видеть в гоголевских произведениях только критику конкретно-исторической действительности и обличение помещиков и чиновников – все равно что «видеть в «Гамлете» Шекспира обличение нравов, царивших при датском дворе» [3, с. 3]. В этой связи особую важность приобретает вопрос о причинах духовной драмы, постигшей Гоголя, заставившей писателя сжечь второй том «Мертвых душ» и отказаться от художественного творчества.

Духовный путь Гоголя стал предметом исследований К.В. Мочульского, прот. В. Зеньковского, ознаменовавших преодоление одностороннего социологического подхода к творчеству писателя. В современной науке о Гоголе особое внимание уделяется философско-нравственному содержанию произведений писателя. Однако «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь» и «Размышления о Божественной литургии» зачастую рассматриваются не как итог духовных исканий писателя, а как результат религиозно-нравственного кризиса, усугубленного психическим недугом (Ю.В. Манн). Или, напротив, творческий путь писателя трактуется как индивидуальное, личное искание веры в условиях секулярной культуры, искание трудное, порой трагическое, но осознанное (В.А. Воропаев).

Однако существует и противоположное суждение, которое может рассматриваться как спорное, но заслуживающее внимания: творчество Гоголя противоречит христианским основам. Оно принадлежит выдающемуся религиозному философу и литературному критику эпохи «культурного ренессанса» начала XX в. С.Н. Булгакова. Посвятив немало своих работ проблеме христианской природы творчества Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.С. Пушкина, о мировоззрении и творчестве Гоголя он высказался лишь вскользь, а духовная драма Гоголя не стала предметом специального исследования критика-философа. Эта, казалось бы, парадоксальная ситуация имеет свое объяснение.

В лекции-статье «Русская трагедия» Булгаков писал: «Искусство всегда символично, ибо в символах низшего мира познает высшую реальности» [4, т. 2, с. 502–503]. В то же время оно всегда трагично, поскольку, даже если оно познает высший смысл и истину бытия, оно бессильно что-либо изменить в этом мире: в падшем мире оно утратило способность преображать. Искусство,

следовательно, есть выражение вечного поиска Бога, с одной стороны, и бессилие быть с ним, с другой. Отсюда, делал вывод Булгаков, искусство символично и трагично одновременно.

В нашей статье «Религиозная драма» или «трагедия художественного гения»? Этический идеал Л.Н. Толстого в оценке С. Н. Булгакова» подчеркивалось, что критик-философ не отождествлял трагическое с безнадежностью [5, с. 75]. Доказательством тому служит его характеристика катарсиса. Вслед за Аристотелем, Булгаков трактует катарсис как нравственное очищение, но возможность его критик-философ связывает с религиозным возвращением человека к Богу, с осознанием героями художественных произведений, а вслед за ними и читателями, что исцеление «многострадальной души» возможно только «у ног Иисусовых». Но такого рода катарсис может быть вызван явлениями искусства, создатели которых обладают безошибочным религиозным чувством.

В статье «С. Н. Булгаков о сущности искусства» подчеркивалось, что значение искусства критик усматривал «в художественном осмыслении антиномий: созидание – разрушение, добро – зло, Бог – Дьявол, свобода в Боге – рабство у Сатаны» [6, с. 88]. Писателем-христианином критик назвал Достоевского. В его произведениях он находил четкое разделение света и тьмы: случайно в «Бесах» Ставрогину противостоит Тихон, в «Братьях Карамазовых» Федору Павловичу противопоставлен старец Зосима, Ивану – Алеша. У Гоголя Булгаков не обнаружил обязательные для символического искусства антиномии. По сути, он разделил мнения С.Л. Франка и В.В. Розанова, что Гоголь видел в жизни лишь темную, негативную, порочную сторону, а потому стал писателем зла. Даже его опущение личной ответственности за зло, происходящее в окружающем мире, обостренное нравственное чувство, дошедшее до крайнего выражения, и религиозное сознание, доведенное до апокалиптической точки, не помогли Булгакову увидеть в художественном творчестве Гоголя Божественного начала.

Однако сам писатель верил в возрождающую силу искусства. По крайней мере, хотел верить. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Если вы узнаете плута не только как плута, но и как человека вместе, если вы узнаете все душевные его силы, данные ему на добро и которые он поворотил во зло или вовсе не употребил, тогда вы сумеете так попрекнуть его им же самим, что он не найдет себе места, куда ему укрыться от самого себя... и тогда вы почувствуете, как благородна наша русская порода даже в плутах» [7, с. 342].

К.В. Мочульский заметил, что Гоголь не смог примирить мировоззрение с собственным творчеством и, следовательно, «оправдать царство пошлости и смерти» [8, с. 40]. Он подтвердил вывод Булгакова, что автор «Мертвых душ» нарушил важнейшую заповедь литературы, сформулированную Достоевским: «Нельзя оставлять читателя при одной только грязи текущего».

Творчество Гоголя Булгаков относил не к высшему, трагическому по своей сути, а «мистическому» искусству. Талант писателя он считал «демоническим», обусловленным «<...> медиумичным состоянием души, ее одержимостью темными силами из иных «планов» бытия, иных миров» [4, т. 2, с. 505].

Смысл определения «демонический талант» Булгаков раскрыл в статье «Труп красоты». Характеризуя картины П. Пикассо, Булгаков признал мастерство и художественную убедительность их автора. Но эти картины, по его убеждению, оставляют впечатление «непросветленной и беспросветной тяжести, ту же мистическую жуть и тоску» [4, т. 2, с. 530]. Демонический талант, делает вывод Булгаков, не вызывает своими произведениями нравственного просветления, катарсиса, на который нацеливает публику настоящее искусство. В один ряд с Пикассо Булгаков поставил автора «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями».

«Скука» Гоголя («скучно на этом свете, господа») – это тоже, подчеркивал критик, своего рода «хула творения Божия». Поэтому ему и виделась одни свиные рыла и мертвые души: неслучайно он сжег второй том своей поэмы». Булгаков объясняет этот поступок тем, что в последние годы писатель ощутил свое искусство как демоническое, и потому осудил его. «Гоголь, – утверждал Булгаков, – знал, что это возможно, и понимал, как это возможно». Доказательством тому критик считал повесть «Портрет», где, с его точки зрения, описана судьба художника, «совершившего грех против Духа Святого» [4, т. 2, с. 535]. Художник уже «не чувствовал ... никакой любви к своей работе. Насильно хотел покорить себя и бездушно, заглушив все, быть верным природе. Это не было создание искусства, и потому чувства, которые объедают всех при взгляде на него, суть уже мятежные чувства, тревожные чувства» [9, с. 275].

В этих словах Булгаков нашел ответ на вопрос, почему Гоголь уничтожил второй том «Мертвых душ». Этот поступок, считал критик, был не трагической ошибкой, а нравственным подвигом писателя, отказавшегося от своего соблазняющего творчества во имя духовного возрождения.

Конечно, не все суждения Булгакова о Гоголе воспринимаются в настоящее время как бесспорные. Во многом они были обусловлены философско-эстетической концепцией критика, что не ограждало его оценки от субъективности и односторонности. Но нельзя не признать, что особенно актуально звучит сегодня предупреждение тем, кто решил посвятить свою жизнь искусству: художник, изменивший дару слышать божественный глас, становится достоинством «злобного духа, отравляющего самые истоки творчества, повреждающего художественный глас и оледеняющий сердце» [4, т. 2, с. 562].

Литература

1. Белинский, В. Г. Собрание сочинений : в 9 т. / В. Г. Белинский. – М. : Худ. литература, 1976–1981.
2. Блок, А. А. Собрание сочинений : в 9 т. / А. А. Блок. – М. : Гослитиздат, 1962.

3. Скатов, Н. Н. «Назначение человека» – служить. И вся наша жизнь есть служба» (Н. В. Гоголь) : к 200-летию со дня рождения / Н. Н. Скатов // Литература в школе. – 2009. – № 1. – С. 2–5.

4. Булгаков, С. Н. Собрание сочинений ; в 2 т. / С. Н. Булгаков – М. : Наука, 1993.

5. Чернова, М. С. «Религиозная драма» или «трагедия художественного гения»? Этический идеал Л. Н. Толстого в оценке С. Н. Булгакова / М. С. Чернова // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2016. – № 2 (48). – С. 73–78.

6. Смолякова, М. С. С. Н. Булгаков о сущности искусства / М. С. Смолякова // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2000. – № 4 (7). – С. 85–91.

7. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 7 т. / Н. В. Гоголь – М. : Худ. литература, 1977.

8. Мочульский, К. В. Духовный путь Гоголя / К. В. Мочульский / Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М. : Республика, 1995. – С. 7–60.

9. Гоголь, Н. В. Портрет / Н. В. Гоголь // Повести. Драматические произведения. – М. : Худ. литература, 1984. – С. 253–279.